

Пятьсот страниц философской попсы и чуть-чуть мысли (Кто только не делает сегодня философию в России: взгляд психолога)

Размышления по поводу книги «Кто сегодня делает философию в России» Т. 1. — М.: Поколение, 2007. — 576 с.

НИКОЛАЙ ВЕРЕСОВ

Университет Оулу, Финляндия

nveresov@hotmail.com

nveresov@yandex.ru

Часть первая

Для меня, как и для многих, отечественная философия второй половины прошлого века ассоциируется с именами А. Ф. Loseва, Э. В. Ильенкова, М. А. Лифшица, М. К. Мамардашвили, В. В. Библина, Ф. Т. Михайлова, Г. С. Батищева, В. Ф. Асмуса, С. С. Аверинцева, В. С. Библера, Г. П. Щедровицкого, А. А. Зиновьева... Они были очень разными, но они были философами.

Поэтому, наверное, выхода этой столь широко разрекламированной книги я ждал с нетерпением. Мне действительно очень хотелось узнать, что ныне представляет собой российский философский ландшафт. Тем более, что составитель её, г. А. Нилогов, во вступительной статье «Что такое современная русская философия?» ставит следующие вопросы: «Что представляет собой современная русская философия? Какие имена на слуху, а какие неоправданно забыты? Какие вопросы формулируют? Какие ответы пытаются дать на них?» (стр. 8).

Меня смутило, конечно, что сами вопросы сформулированы коряво (Какие вопросы формулируют – КТО формулирует, так и хочется спросить. Какие ответы пытаются дать на них – КТО пытается дать?), но не буду придираться, ведь суть ясна. Кроме того, в аннотации к этой книге написано: «Книга предназначена для философов и всех интересующихся русской философией (именно иТЕРЕСующихся!). А поскольку я не философ, но человек интересующийся русской философией, и не только русской, я стал внимательно книгу эту читать. А прочитав, решил высказать свое мнение для других иТЕРЕСующихся и интересующихся. При этом анализ *философского* содержания этой книги я хотел бы предоставить специалистам, а за собой оставить возможность проанализировать эту книгу с позиции психолога. Ведь проблема мышления и речи, способности ясно и внятно выражать свои мысли в более или менее строгом логическом порядке есть проблема не только философская, но и психологическая.

Не скрою, после прочтения этой книги я действительно получил ответ на вопрос о том, кто сегодня делает философию в России. И ответ этот вызывает у меня глубокое

уныние и совсем чуть-чуть радости...что я и попытался выразить в названии моей рецензии. Но обо всём по порядку.

Статья составителя А. Нилогова, как я уже сказал, открывает книгу. Прочитал я её с особым вниманием, ведь не секрет, что предисловие, вступительная статья отражает главные идеи книги. Часто бывает так, что, ознакомившись со вступительной статьёй, читатели принимают решение: стоит ли читать всю книгу, и стоит ли её покупать, особенно в тех случаях, когда книга очень толстая.

Второй же абзац этой вступительной статьи убивает наповал. Судите сами.

«Прежде чем приступить к такому провокативному жанру, как история современной русской философии, необходимо, как советует А. М. Пятигорский, расчистить смотровую площадку, создав наблюдательное проблемное поле. Наиболее объективным критерием в определении философа может служить наличие у него собственно философского текста, в котором предложена авторская концепция» (стр. 8).

Провокативный – словечко сочное, конечно. Но автор, похоже, не понимает разницы между провокативным и провокационным. Да и что такого провокативно-провокационного в жанре истории современной российской философии? И потом, при чём тут жанр? Далее, вообще непонятно, как здесь оказался А. М. Пятигорский. Он, действительно, советует «расчистить смотровую площадку» в диалоге с г. Ниловым в этой книге (стр. 208), когда говорит о философской традиции. Но это не имеет ничего общего с понятием «наблюдательное проблемное поле». Если г. Нилов имеет в виду книгу А. Пятигорского «Мышление и наблюдение», где это понятие используется, то, ей-Богу, у Пятигорского оно не имеет равным счётом никакого отношения к «расчистке смотровой площадки». Расчистка смотровой площадки и создание наблюдательного поля – это, в терминологии А. Пятигорского, две совершенно разные вещи, используемые в двух совершенно разных контекстах. Видимо, г. Нилова ввело в заблуждение некоторое совпадение между английским «observative» и русским «смотровое». Или же этот так называемый совет он получил от А. Пятигорского в какой-то частной беседе. Иначе мне остается допустить, что г. Нилов не читал книгу А. Пятигорского...

И, наконец, о наличии «собственно философского текста», которое г. Нилов считает наиболее объективным критерием определения философа. Получается, что Сократ под определение философа не подпадает. Не знал он, бедный, что когда-то из за этого откажет ему г. Нилов в праве быть философом. Не знаю, как Вы, а для меня Сократ – философ, а вот г. Нилов, даже при наличии «собственно философского текста» - не Сократ.

Но пойдём дальше.

«Проект «Современная русская философия», в рамках которого выходит данное издание, призван выполнить роль «застрельщика» философских дискуссий в стране. Если хотите — стать прообразом гуманитарного «манхэттенского проекта», автором которого является О. А. Матвейчев, рассчитывающий на новый русский философский «-изм». (стр. 8)

Ничего себе, проект! Я так понимаю, что О. А. Матвейчев является автором не самого гуманитарного манхэттенского проекта, а автором термина «гуманитарный манхэттенский проект». Это, кстати, ясно из интервью с самим автором на стр. 137 этой книги. Но г. Нилов ведь занимается телепатическим мышлением, и ему что

бренд проекта, что сам проект – всё едино, иначе говоря, нормальное, не телепатическое человеческое мышление – явно не его стихия.

Далее А. Нилогов обращается к обширной цитате из Ф. И. Гиренка. Об этом философе речь пойдёт ниже, но здесь у меня, как у читателя, опять наступает когнитивный диссонанс.

«Но самые крупные русские философы — это литераторы. Самарин — это литератор, Хомяков — литератор, Киреевский — литератор. Как они пишут! Чего стоит язык Флоренского! Понимаете? Откройте “Столп и утверждение истины”...» (с.9).

Зная не понаслышке работы Ф.И. Гиренка, могу сказать, что философ этот, как правило, не утруждает себя аргументацией своих мыслей, а когда делает это, то обнаруживает, скажем так, сомнительную компетентность. Из всего вклада этого мыслителя в философию можно отметить лишь забавные термины типа «эрузит» (смесь эрудита и паразита). Об этом я буду развёрнуто говорить ниже, а пока отмечу, что назвать о. Павла Флоренского литератором – это что-то новое, в той же степени, как и нелепое. «Столп и утверждение истины» написан, конечно, на великолепном русском языке. Но это не делает его чисто литературным произведением, а Павла Флоренского не делает литератором. «Столп и утверждение истины» - философское и богословское произведение, прежде всего. Ну и, конечно, относить Ю. Ф. Самарина к числу самых крупных русских философов – дело личного вкуса, хотя я бы с этим поспорил.

«Вполне понятно, почему имя Шпета используют в качестве жупела для дискредитации русской философии. Фамилия «Шпет» — не русская, а немецкая, рассчитанная на наукообразную философию — гносеологический атавизм Нового времени. Прискорбно отмечать, что фигура Густава Густавовича, сочинявшего свои произведения именно на русском языке, стала почти что карикатурной в истории русской философии.» (стр. 10).

Из сказанного совершенно непонятно, почему имя Г. Г. Шпета используют в качестве жупела для дискредитации русской философии. Вчитайтесь, если не поняли: фамилия – не русская, а немецкая, рассчитанная на наукообразную философию – гносеологический атавизм. Фамилия как атавизм, да ещё и гносеологический, да ещё и рассчитанная на наукообразную философию? Так и хочется спросить автора, сам-то он понял, что сказал? В таких случаях я реагирую уже как психолог – у человека явное нарушение логических связей, почти что бред, надо держаться подальше... И потом, с чего это автор решил, что фигура Г. Г. Шпета стала почти что карикатурной в истории русской философии? Автор явно что-то путает. Даже я, человек далёкий от философии, знаю, что имя Г. Г. Шпета является одним из наиболее уважаемых в русской философии. Долгое время это имя было забыто, но карикатурным не было никогда.

«Русской философии, а в особенности её современному изводу, требуется сразу несколько исследователей, сопоставимых с критическим уровнем Шпета.» (стр. 10)

Критический уровень бывает, например, у воды при угрозе наводнения, но ведь автор явно хотел сказать что-то иное. Извод – это синоним «диалекта», «наречия», «говора», так что и здесь, видимо, автор хотел сказать что-то другое. Так что же именно он хотел сказать? Видимо то, что в современной ситуации только усилиями нескольких мыслителей можно сделать то, что сделал когда-то Шпет, с его высоким уровнем критического мышления. Только вот беда, невдомёк нашему автору, что в философии многие никогда не заменят одного, и что каждый философ неповторим, если, конечно,

он философ, а не болтун-прожектёр. Кстати, о прожектёрах и прожектах. Во вступительной статье А. Нилогов цитирует некую идею, высказанную О. А. Матвейчевым:

«Чтобы было более понятно, то я скажу, что будь моя воля, то я бы тратил на философское образование не меньше, чем на оборону. Я бы посадил всех эзков в одиночки и вместо ненужного труда заставлял бы их прочитывать по 50 философских первоисточников в год, а весь стабилизационный фонд пустил бы на переводы и издания философских книг, которые бы продавались в каждом ларьке, как водка. И так далее. Что бы это дало? Не знаю, что в социальном, экономическом и политическом плане, но знаю, что это усилие дало бы, возможно, несколько великих философов через сколько то лет, а эти философы изменили бы облик и Земли, и истории, создали бы мир, в котором, может, уже бы и не было места ни социальному, ни экономике, ни политике. И такой подвиг, такой поворот — это лучшее, что может случиться в судьбе народа. Раз уж все народы смертны, то смерть со славой лучше, чем смерть от обжорства гамбургерами, тем более что даже это нам не грозит, скорее уж — издыхание от голода, холода, трудов, военных тягот, мягкого и жёсткого геноцида, ассимиляции другими пассионариями». (стр.11)

Представляете, сидят эзки и изучают философские первоисточники (50 в год – немало, а почему, собственно 50? Не 30, не 100, а именно 50?). А кругом – в каждом ларьке – философские книги... Такой вот «подвиг», такой вот поворот в судьбе народа. Но если это и поворот, то исключительно в мозгах О. А. Матвейчева. И если в этом и состоит суть пресловутого гуманитарного «манхэттенского проекта», то автору его следовало бы знать, что он не оригинален. Ведь нечто подобное происходило уже в истории многострадального возлюбленного отечества. О. Матвейчев – человек молодой, и просто не помнит, что вся страна (включая эзков) когда-то в принудительном порядке читала философские первоисточники – «Материализм и эмпириокритицизм», «Краткий Курс истории ВКП(б)», «Капитал», «Манифест коммунистической партии» и т.д. Читали и конспектировали, и сдавали экзамены (в системе политучёбы, которая охватывала всех граждан без исключения). Денег на эту систему тратилось не меньше, чем на оборону, а купить эти книги можно было везде за гроши, и даже дешевле, чем водку. Известно, к чему это всё привело: в нашей стране действительно не осталось места «ни социальному, ни экономике, ни политике»...И философы появились, это верно. Великие или не великие – не знаю, но с манией величия точно.

Мне могут возразить, что, мол, не те философские источники читали, что другие книги надо было бы читать, тогда и результат был бы иным. Но невдомёк манхэттенским прожектёрам, что философия – это свободная мысль, насильственное внедрение в голову даже самых распрекрасных философских идей совершенно невозможно, так что не важно, что именно внедряется – «Логико-философский трактат» или «Цитатник Мао», результат будет совершенно одинаковым. Насильственное внедрение философии в массы к появлению великих философов не приводит, да и не может привести. Все знают, что некоторые умалишенные наши сограждане носятся с бредовыми планами спасения отечества. Но выступать с планом «смерти со славой» - это уж слишком. Такой манхэттенский проект вполне заслуживает быть помещённым в историю болезни пациента в сумасшедшем доме (как психолог могу квалифицировать его как параноидальный бред на фоне глубокой олигофрении), но он, однако, помещён в книгу «Кто сегодня делает философию в России»...Как сказал поэт – уровень бреда выше уровня жизни.

«Если кому-то хочется поиграть в бранные метафоры, то всю историю русской философии можно разделить на несколько этапов — «золотой век», связанный с именами «славянофилов» и «западников» и упёршийся в фигуру В. С. Соловьёва, затем серебряный век, захвативший философию русского зарубежья, после «бронзовый век» советской философии, ядром которой выступила идеология

марксизма-ленинизма, и, наконец, наше время «железного века», погрязшее в фундаментальной разобщённости философий.» (стр.11).

Конечно, историю русской философии, как и историю любой другой философии, да как и вообще историю чего угодно, можно разделить на несколько этапов. Разделение, которое предлагает г. Нилогов, ничем не лучше и не хуже других. Только почему такое разделение возможно, «если кому-то хочется поиграть в бранные метафоры»? И что такого бранного в словах «золотой век», «серебряный век», «бронзовый век» и «железный век»? С каких это пор названия металлов стали бранными метафорами? Не иначе, у автора аллергия на металлы, как видит их – браниться начинает. Так что я оставляю это без комментариев. Автору же посоветую обратиться к хорошему аллергологу.

Заканчивается эта замечательная вступительная статья пассажем, как бы суммирующем всё сказанное. Поэтому приведу его целиком:

«Обоснование такого жанра, как «история современной русской философии», предпринятое в рамках проекта, позволит поставить под фундаментальное подозрение как литературоцентристский, так и православно-религиозный статус русской философии. Если прежде мы могли экспортировать на Запад философию а`la Достоевщина и а`la Толстовство, а также философию а`la Фодудья, то теперь настала пора заявить о себе конкурентоспособной философией — философией *par excellence*.» (стр.11)

Не знаю, что и куда «позволит поставить» ТАКОЕ обоснование этого жанра. Для меня оно поставило под фундаментальное подозрение психическое здоровье и социальную адекватность некоторых участников этого проекта. Если и настала пора русской философии заявить о себе, то ТАКОЙ философии я предпочту а`la Достоевщину, а`la Толстовство, или даже философию а`la Фодудья.

Такова вступительная статья автора-составителя книги «Кто сегодня делает философию в России». Что в ней? Я попытался это понять. И понял одно: если сама книга такова, каково предисловие к ней – дело плохо. Искренне хочется верить, что я ошибаюсь. Но о содержании самой книги с точки зрения психолога – во второй части моей статьи.